

Volvačeva, Irina; Rudenko, Jelena

Особенности глагольной гипонимии

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2007, vol. 56, iss. A55, pp. [153]-167

ISBN 978-80-210-4335-0

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100957>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ИРИНА ВОЛЬВАЧЕВА, ЕЛЕНА РУДЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ ГИПОНИМИИ

Глагольная лексика занимает особое место в вопросе о межлексемных связях. Давно известно и не раз отмечалось лингвистами, что глаголы, в отличие от наименований предметов, характеризуются «своим разнообразием, своим <...> произволом и прихотью» (Аксаков, 1855). Поскольку денотатом глагола является целая ситуация, а не предмет, как в случаях с именами, то глагол призван и именовать целую ситуацию. Следовательно, от номинируемой ситуации напрямую зависит семантика глагола, ее комплексность. «Глагол обеспечивает предложению реляционный и семантический каркас» (Miller, 1993, с. 40) (здесь и далее перевод цитат из иноязычных источников наш – И.В.)

Структурная семантика рассматривает различные типы семантических связей: синонимия, антонимия, отношение часть – целое. Однако только гипонимия представляет собой категоризацию того или иного фрагмента мира, поскольку она отражает иерархическую структуру объектов (Кронгауз, 2001, с. 178). Цель настоящей статьи – анализ структурно-семантических отношений между глаголами, и в первую очередь – гипонимии.

1. Гипонимия как объект исследования.

В рамках восточнославянских, преимущественно русских, исследований гипонимия понимается как «отношение между частным и общим понятиями» (Кронгауз, 2001, с. 177). Для отечественных ученых характерно также понимание гипонимии не только как родо-видовых отношений, но и как отношений целого и части (Общее языкознание, 1983, с. 192).

Западные лингвисты (Дж. Лайонз, Дж. Миллер) определяют гипонимию в терминах отношения следования (entailment), которое, как известно, существует между пропозициями: следование одного слова из другого соответствует следованию одного выражения из другого при наличии в данных выражениях соответствующих слов. Знак → здесь и далее обозначает отношение следования:

$f \rightarrow g =$

dog ‘собака’ \rightarrow *animal* ‘животное’ =

I saw a dog ‘Я видел собаку’ \rightarrow *I saw an animal* ‘Я видел животное’

(Лайонз, 2003, с. 140).

Данный способ представления семантических отношений является альтернативой традиционному компонентному анализу и интерпретируется как теория постулатов значения, впервые введенных Р. Карнапом. Характерно, что постулаты значения «могут использоваться для намеренно неполного описания смысла лексемы» (Лайонз, 2003, с. 141). Отношение следования помогает не толковать слова, а отображать связи, которые существуют между словами (Кронгауз, 2001, с. 85), что, тем не менее, не мешает исследованию смысла лексем, в особенности, когда таковой смысл размыт и применение компонентного анализа осложнено (см. также Miller, 1993, с. 44). «Нормальное» направление (“normal” direction) отношения следования – от гипонима к гиперониму, отклонение (“wrong” direction) представляет собой направление от гиперонима к гипониму. Пример «нормального» направления гипонимии показан выше. Направление от гиперонима к гипониму (со строгой импликацией в каждом случае) может быть продемонстрировано следующими примерами:

It's not red ‘Это не красный’ \rightarrow *It's not scarlet* ‘Это не алый’;

If it is red, it will be rejected ‘Если это будет красный, от него откажутся’ \rightarrow *If it is scarlet, it will be rejected* ‘Если это будет алый, от него откажутся’ (примеры взяты из: Cruse, 1991, с. 89). Подобное направление следования характерно для выражений, содержащих отрицание, кванторные слова типа *все, каждый*, придаточное предложение условия и т.п. (Cruse, 1991, с. 89).

Прибегая к логическому отношению следования при описании гипонимии, западные ученые вовсе не отрицают традиционного понимания этого явления. В качестве отношения простого включения классов (simple class inclusion) рассматривает гипонимию У. Крофт и Д. Круз. (Croft, 2004, с. 142, Cruse, 1991, с. 88). У. Крофт также подчеркивает, что гипонимия может интерпретироваться как случай образной схемы вместилища, выделяемой Лаккоффом (Croft, 2004, с. 142). С этим нельзя не согласиться, поскольку как в случае вместилища, физического либо информационного, так и в случае гипонимии человек налагает ограничения, выделяя то общее, что объединяет значения лексем (интегральные семы) и то, что их различает (дифференциальные семы). В этом случае, сам термин включение, применяемый отечественными лингвистами, весьма метафоричен.

Известно также, что гипонимия в основном свойственна именам существительным, а не предикатной лексике, но не отрицается и в сфере глаголов (Croft, 2004, с. 141–142; Общее языкознание, 1983, с. 194). По мнению некоторых американских исследователей, в частности Дж. Миллера, гипонимическая связь между глаголами несхожа с гипонимией между именами существительными (Miller, 1993, с. 47). Вследствие этого конструкция, часто применяемая для проверки отношения гипонимии между именами (в узком

смысле, т.е. общего и частного) – *A x is a y* ‘*X есть Y*’ – оказывается неприемимой для проверки глагольной гипонимии.

Обращаясь к примеру Крофта: *Did she hit him?* ‘Она его **ударила?**’ – *Yes, she punched him in the stomach* ‘Да, она его **ударила кулаком** в живот’ (Croft, 2004, с. 142), можно предположить, что глаголы-гипонимы уточняют свои гиперонимы. А конструкция для проверки глагольной гипонимии имеет следующий вид: *делать X – это делать Y особым способом* (То V_1 is to V_2 in some particular manner) (Miller, 1993, с. 47). Данный тип отношений получил название тропонимии (от греч. *tropos* ‘способ, манера’ и *пут* ‘имя’).

В рамках тропонимии способ осуществления действия трактуется довольно широко и по отношению к гиперониму может быть представлен различными семантическими признаками. Причем данные семантические признаки могут выражать способы, виды действия, соотнесенность действия с коммуникантами, с модальностью – оценкой содержания высказывания, со временем реального речевого акта и т.д. (Уфимцева, 1976, с. 147). Наш опыт исследования глагольной лексики показывает, что тропонимия возможна относительно любого аргумента – участника ситуации, а также атрибутов и сирконстантов, например, русские глаголы управления *президентствовать*, *княжить*, *царить* отличаются по признаку лица правителя, *управлять*, *руководить*, *администрировать* – по характеру объекта, *управлять*, *владычествовать*, *властвовать* – по объему имеющейся власти и т.д.

Американскими исследователями постулируется, что отношение тропонимии является частью отношения следования. Например, глаголы *limp* ‘хромать’ – *walk* ‘идти’ объединены отношением тропонимии: *хромать – это идти особым способом*. С другой стороны, из конструкции *He is limping* ‘Он хромает’ следует *He is walking* ‘Он идет’ (Miller, 1993, с. 47). Эта же глагольная пара легко проверяется при помощи уже знакомой нам конструкции: *Он шел?* – *Да, он хромал*. Как нам кажется, однако, эта ситуация не совсем естественна в настоящем времени: **Он идет?* – *Да, он хромает*. Более вероятный ответ при этом же вопросе: *Да, но он хромает*, – где гипоним уточняет слово с более общим значением. Ср. следующие конструкции, в которых гипероним предшествует гипониму: *Все знали и **говорили** или, вернее, **шептали**, что прокурор Евпраксеин – это зверь* (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина); ***Говорили** и даже **кричали** во весь голос, что поэт исписался, что он становится опасен для окружающих* (В. Бондаренко. Отверженный поэт) (Все приведенные в статье примеры, кроме специально оговоренных, взяты из Национального корпуса русского языка: www.ruscorpora.ru – И.В., Е.Р.).

Данные контексты содержат гиперонимы и их гипонимы в определенной последовательности. По мнению Л.А. Новикова, такая последовательность «связана с получением дополнительной информации, с конкретизацией обозначаемого» (Новиков, 1982, с. 242). Глаголы с более общим значением уточняются гипонимами. При замене глаголов местами в предложении «*Все знали и **шептали** или, вернее, **говорили**, что прокурор Евпраксеин – это*

зверь» их смысловое различие не будет нейтрализовано. Скорее, предложение получит новую окраску: *люди не шептали* (опасаясь чего-либо), *а говорили* (смело, открыто).

Но существуют конструкции, когда возможна замена направления гипонимии. Например, обратное направление гипонимии в предложении указывает на функцию противопоставления, которую играют глаголы: *Володя никогда громко не хохотал, он смеялся* (К. Василий. Лиля Брик. Жизнь).

2. Отношение следования.

Логическое отношение следования в том виде, как оно представлено у Дж. Миллера, является, по сути, основой организации глаголов. Однако данное отношение – чисто логический конструкт. В применении к языку, по справедливому замечанию Д. Круза, принципы логики не кажутся такими уж простыми (Cruse, 1991, с. 90).. Ср.: Из *Flowers are prohibited* ‘Цветы запрещены’ следует *Dandelions are prohibited* ‘Одуванчики запрещены’; из *Flowers make an acceptable present* ‘Цветы – приемлемый подарок’ не следует *Dandelions make an acceptable present* ‘Одуванчики – приемлемый подарок’ (примеры взяты из: Cruse, 1991, с. 90).

В случае глагольной гипонимии тест типа «*Он хромает*» значит «*Он идет*» может быть недостаточным, поскольку в значительной степени опирается на языковую интуицию. Наиболее существенным в теории Дж. Миллера является тезис о том, что действия, выраженные глаголами, связанными отношением тропонимии, совпадают по времени протекания.

3. Время как семантический компонент.

Временной компонент играет немаловажную роль в структуре семантики глагола, причем речь идет о любых глаголах, а не только имеющих темпоральное значение.

Обычно время трактуется как грамматическая категория глагола. Однако интерпретация времени как семантического компонента имеет под собой основания. Темпоральный компонент присущ лексике любого разряда. В статье «Аксиологические модели времени» Н.К. Рябцева (Рябцева, 1997) приводит многочисленные примеры наличия темпорального компонента в значениях слов различных частей речи.

Ю.Д. Апресян упоминает о времени в терминах протяженности – непротяженности, что характерно для «наивного» мышления (Апресян, 1995, с. 235). О других классификациях времени см., например, (Красухин, 1997).

Выделение временного компонента в семантике глагольных единиц способствует непротиворечивой типологии структурно-семантических отношений между глаголами.

В случае тропонимии временной глагольный признак можно охарактеризовать как ‘одновременность’: *lisp* ‘шепелявить’ – *talk* ‘говорить’, *sing* ‘петь’ – *choir* ‘петь хором’. В некоторых глагольных парах признак выступает как ‘ограниченность во времени’. В данном случае речь идет об отношении, внешне напоминающем меронимию. Меронимия (отношение часть – целое) в отечественных концепциях часто трактуется как вид гипонимии. Разумеется, при глагольной меронимии часть и целое также выражены глаголами; при одном холониме (целое) имеется два или больше меронима (части). Согласно Дж. Миллеру, одно действие является частью другого лишь как этап его реализации во времени (Miller, 1993, с. 45). Такое «разбиение» действия на части предполагает его сложность (*покупать* – *прицениваться*, *платить* и под.).

4. Обратная пресуппозиция.

Помимо лексем, связанных отношениями тропонимии и меронимии, выделяются также глаголы, в отношениях между которыми особое место занимает пресуппозиция, т.е. фоновые знания о явлениях действительности, о последовательности совершаемых событий (backward presupposition в терминологии Дж. Миллера): *succeed* ‘достигать цели’ – *try* ‘пытаться’ (Miller, 1993, с. 52). Упомянутые глаголы не объединены отношением тропонимии, поскольку не наблюдается совпадения действий на оси времени (пытаются всегда до достижения цели) – они объединены отношением следования.

Рассмотрим другие пары глаголов: *прицелиться* – *попасть* и *прицелиться* – *промахнуться*. Важно, что прицеливание предшествует попаданию либо промаху. Данные действия не происходят одновременно, одно не может быть частью другого, как в случае *покупать* – *выбирать*, *платить*, – они последовательны, одно – причина другого, одно обуславливает другое. Семантический признак ‘временная последовательность’, присутствует в структуре ряда глаголов в различных языках. Ср.: англ. *try* ‘пытаться’ – *fail* ‘потерпеть неудачу’, *feed* ‘кормить’ – *fatten* ‘толстеть’, рус. *слушать* – *слышать* и др.

Итак, на основании сказанного выше можно выделить следующие виды глагольной гипонимии:

1) тропонимия – действия совпадают по времени протекания. Тропонимия верифицируется формулой “делать X – это делать Y особым способом”:
идти – *хромать*;

2) меронимия – отношение часть – целое. Действие X – часть более сложного действия Y и включено в Y во времени: *покупать* – *платить*;
а также:

3) обратная пресуппозиция – отношения хронологического следования. Действия не совпадают во времени, они происходят последовательно, одно следует из другого, одно обязательная предпосылка или причина другого: *целиться* – *попасть*.. При этом у обратной пресуппозиции есть общие чер-

ты с гипонимией, например, одна и та же пресуппозиция может быть у двух антонимов (*целиться – попасть, промахнуться*), аналогичные отношения возможны при тропонимии и меронимии.

5. Гипонимия versus синонимия.

Не вызывает сомнения, что гипонимия очень близка синонимии. По мнению Л.А. Новикова, гипонимия является родо-видовой квазисинонимией (Новиков, 1982, с. 242). О квазисинонимии принято говорить тогда, когда толкования лексем существенно пересекаются, но полностью не совпадают (Апресян, 1997, с. 11). К другим характеристикам квазисинонимии также относят неполную нейтрализацию семантических различий лексем в большом числе контекстов (Новиков, 1982, с. 241).

Несмотря на различные терминологические трактовки, обсуждаемые явления (гипонимия, квазисинонимия, тропонимия как глагольная гипонимия) очень близки, причем их близость наблюдается и в отношении выполняемых ими семантических функций. К семантическим функциям синонимов относят функции замещения и уточнения (Новиков, 1982, с. 229 и далее). Основной принято считать функцию замещения, поскольку именно на свойстве заменять друг друга в контексте строится понятие синонимии. Сравните постулат для гипонимии, предложенный Д. Крузом (Cruse, 1991, с. 89): «одностороннее следование одного предложения за другим, которые различаются лишь в отношении лексических наполнителей определенной синтаксической ячейки, часто указывает на гипонимическую связь между лексическими единицами». Вероятнее всего предположить, что подобная трактовка в одинаковой степени описывает и абсолютные синонимы, и единицы, связанные родо-видовыми отношениями. Абсолютные синонимы признаются синтаксически идентичными друг другу (Новиков, 1982, с. 230; Cruse, 1991, с. 88), однако в языке число таких синонимов, как известно, невелико. Тем не менее, функция замещения присуща как гипонимии, так и синонимии.

Роль семантической функции уточнения заключается в том, что синонимы используются для выявления и раскрытия различных сторон, свойств, признаков предмета или явления действительности (Новиков, 1982, с. 231). Но совершенно очевидно, что и тропонимы выполняют ту же контекстуальную роль по отношению к своим гиперонимам: *По-французски хотя она и не говорила отлично, но могла поддержать обыкновенный разговор, танцевала очень недурно, вальсировала довольно легко и разыгрывала на фортепиано балльные танцы довольно бегло* (И.И. Панаев. Барышня).

В русском языке уточняющей единицей может служить деепричастие – производное от глагола-гипонима: *С запавшими боками, некоторые хромая, собаки или в никуда, без цели, без приюта, без надежды поест и даже попить пресной воды* (Л. Лаврова. Лишние)..

Синонимы и гипо-гиперонимы могут употребляться в функции уточнения в так называемых дифференцирующих контекстах, где подчеркиваются различия между единицами. Сами единицы не тождественны, но достаточно близки друг другу. Ср.: *Потом он проснулся от какого-то удушья, сразу ничего не **понял**, но потом **сообразил**, что он в скафандре, что кончился кислород и надо скорее встать и снять скафандр* (Г. Адамов. Тайна двух океанов).

Различение гипонимии и неполной синонимии (а в некоторых случаях и со-гипонимов) затруднительно именно в глагольной лексике. Так, например, в английском языке выражение *a broiled chicken* ‘жареный цыпленок’ тождественно выражению *a roast chicken*. Из этого можно было бы сделать вывод о том, что глаголы *to broil* ‘жарить (на огне)’ и *to roast* ‘жарить, печь’ синонимы. Однако та же внеязыковая действительность «диктует», что не каждый *roast chicken* есть *broiled chicken*. Например, жаренный в духовке цыпленок – только *roast chicken*. А с другой стороны, *a broiled steak* ‘жареный бифштекс’ не может быть описан как *a roast steak*. В случае с мясом только жареные туши могут считаться *roasted* (пример взят из: Cruse, 1991, с. 151).

6. Глагольные таксономии.

Гипонимия структурирует лексические единицы, отражая явления объективной действительности. Однако глагольные и именные таксономии (иерархические структуры) имеют некоторые различия. Так, глагольные семантические группы могут иметь несколько иерархий, соответственно гиперонимов в пределах одной группы может быть несколько. Глаголы могут объединяться в семантические поля на основании схожих аргументов в их значениях.

Одно из наиболее существенных отличий глагольных таксономий от именных лежит в самой природе глагола: свойством предикатов, как глаголов, так и прилагательных, является то, что их значения больше зависят от контекста, чем значения имен существительных. Значения глаголов зависят от связанных с ними актантов (Cruse, 1991, с. 152). А поскольку у глаголов велика речевая обусловленность, глагольные иерархии на языковом уровне не могут быть так же четко структурированы, как именные.

Взгляды отечественных и зарубежных лингвистов на структуру глагольных полей и групп сильно отличаются. В русскоязычной лингвистике вопрос о структурировании глагольной лексики детально изложен в (Кузнецова, 1989). Дж. Миллер высказывает положение о том, что глагольные таксономические структуры имеют меньше уровней, чем иерархии имен существительных (редко более 4-х), но зато эти уровни более разветвлены (Miller, 1993, с. 49). По мере продвижения в глагольной иерархии от наиболее общего понятия к наиболее частному наблюдается тенденция уменьшения числа аргументов глагола (Miller, 1993, с. 49). Данные тезисы нуждаются

в верификации на материале других языков, и ниже они подтверждаются на материале русских глаголов когнитивной деятельности.

Можно согласиться и с тем, что за наиболее лексикализированным уровнем таксономии следует уровень с малым числом лексем. Кроме того, немногочисленные глаголы этого уровня представляют собой сложные слова. Например, тропонимами глагола *feed* 'кормить' являются глаголы *spoonfeed* 'кормить из ложки', *forcefeed* 'кормить насильно', *bottle-feed* 'кормить из бутылки', *breastfeed* 'кормить грудью' (Miller, 1993, с. 49). На наш взгляд, этот вывод применим в первую очередь к английскому языку, а, например, в русском на их месте будут словосочетания (см. Никитевич, 2004 о номинативных рядах глаголов).

Со-тропонимы часто выступают в роли антонимов. Так, глаголы *breastfeed* и *bottle-feed* – антонимы, т.к. относятся к различным способам кормления младенцев (Miller, 1993, с. 51). Характер и способ лексикализации лексем подобного уровня в разных языках будет протекать по-разному в зависимости от морфологических и иных черт самого языка.

7. Гипонимия на множестве русских глаголов когнитивного действия.

Приведенные выше теоретические положения и виды глагольной гипонимии могут быть проиллюстрированы на материале глаголов когнитивной деятельности русского языка.

Класс глаголов с семантикой процессов мышления – центрального класса глаголов когнитивной деятельности – включает четыре подкласса с условной обобщающей семантикой: 'думать', 'разбираться', 'определять', 'создавать'.

Семантическая специфика глаголов подкласса с условно обозначенной обобщающей семантикой 'разбираться' состоит в следующем: подразумевается, что объект мышления, представленный в когнитивной системе мыслящего субъекта ментальной репрезентацией, в какой-то степени познан (о чем свидетельствует и сам факт представленности его в когнитивной системе), и сущность осуществляемого мыслительного процесса состоит в том, чтобы углубить, увеличить эту степень познанности, т.е. установить новые связи между компонентами самой этой ментальной репрезентации, а также данной ментальной репрезентацией и концептами, уже существующими в концептуальной системе.

Лексемы с обобщающим значением 'определять' номинируют такой мыслительный процесс, при котором осуществляется ментальное оперирование концептами, целью которого является создание новой концептуальной сущности, причем семантический акцент сделан именно на целенаправленности, завершенности процесса.

Ряд глаголов с обобщающим значением 'создавать' семантически ориентирован на креативный момент, создание нового.

Лексемы подкласса с обобщающей семантикой ‘думать’ обозначают мыслительный процесс наиболее недифференцированно, не указывая на его специфические характеристики. Представители подкласса ‘думать’ чаще обозначают длительный непредельный процесс, т.е. семантически ориентированы на преимущественное внимание к самому номинируемому действию, а не к моменту его завершения и не к объекту, на который он направлен.

Фактически, семантическая специфика лексем подкласса ‘думать’ заключается не в наличии дифференцирующих или доминирующих сем, а в отсутствии таковых, что и позволяет этим лексемам номинировать весь процесс мышления во всех его модификациях и одновременно только процесс оперирования концептами безотносительно к моменту его завершения и характеру направленности на объект мышления.

Отношения между лексемами с обобщающей семантикой ‘разбираться’, ‘определять’, ‘создавать’, с одной стороны, и ‘думать’ (в общем смысле) – с другой, определяется как тропонимия. Любая из лексем первых трех подклассов удовлетворяет формуле “кто-либо + глагол следовательно кто-либо думает” (известно, что для большинства семантических отношений соблюдается принцип транзитивности, т.е. синонимы рассматриваемых лексем вступают в те же отношения, что и сами рассматриваемые лексемы). Сущность и специфика той разновидности тропонимии, которая имеет место в данном случае, в следующем. Любой из процессов, соотносимых с семантемами ‘разбираться’, ‘определять’, ‘создавать’ полностью включает ‘думать’, однако не исчерпывается им, добавляя тот или иной семантический компонент, “способ действия”, понимаемый очень широко: как направленность на объект, на результат, на создание нового. Между собой члены подклассов с обобщающей семантикой ‘думать’ (в узком смысле), ‘разбираться’, ‘определять’, ‘создавать’ находятся в отношениях пересечения (Найда, 1983, 61), как и все лексемы, имеющие общее родовое наименование с семантическим обобщением более высокого порядка.

Между представителями разных групп класса обозначений мыслительных процессов иные семантические отношения. Например, отношения между лексемами подкласса ‘думать’ и *гадать* и, соответственно, ‘определять’ – *отгадывать* (*разгадывать*) – это типичная тропонимия, поскольку *гадать*, *отгадывать*, *разгадывать* имеют дифференцирующую сему образа действия ‘интуитивно, не рациональным путем’.

Тропонимия связывает семантику лексем с недифференцированным обобщающим значением ‘определять’ (*выявлять*, *определять*, *устанавливать*) с представителями других групп – ‘соотносить’, ‘считать’, ‘оценивать’ – в составе данного подкласса. Семантически группы отличаются друг от друга и от глаголов *выявлять*, *определять*, *устанавливать* способом осуществления обозначаемого ментального действия.

Например, семантическая специфика глаголов *сравнивать*, *противопоставлять*, *соотносить*, *сопоставлять* и *обобщать* заключается в характере объекта: он обязательно множественный.

Отдельную группу обозначений мыслительных процессов, объединяемых гиперонимом *определять*, составляют глаголы счета. Наиболее общими обозначениями процессов счета в русском языке являются *вычислять, прикидывать, решать, считать*. Объединяющий их семантический компонент, не свойственный другим членам подкласса с обобщающей семантикой ‘определять’, – ‘(определять) путем тех или иных математических действий’.

Глагол *считать*, гипоним по отношению к *определять*, в свою очередь является гиперонимом по отношению к обозначениям различных математических действий: ‘складывать, прибавлять’ (*прибавлять, прикидывать, складывать, суммировать*) и *вычитать, делить, отнимать, умножать*, — а также к *оценивать (расценивать)*. Характерно, что по мере сужения, “специализации” семантики, как, например, в последовательном ряду *определять – считать – прибавлять*, сужаются, “специализируются” комбинаторные возможности лексем, т.е. вполне подтверждается гипотеза Дж. Миллера, выдвинутая на английском материале (см. выше).

Отношения тропонимии наиболее распространены между отдельными лексемами внутри подклассов и групп обозначений процессов мышления. Например, в составе подкласса с обобщающей семантикой ‘создавать’ *детализировать* (‘разрабатывать как? каким образом? в деталях’) является гипонимом *разрабатывать*, а *планировать* (‘разрабатывать план’) – его гипонимом по типу объекта. В рамках подкласса с обобщающей семантикой ‘разбираться’ *анализировать* (‘исследовать путем анализа’) находится в отношениях тропонимии с *исследовать*.

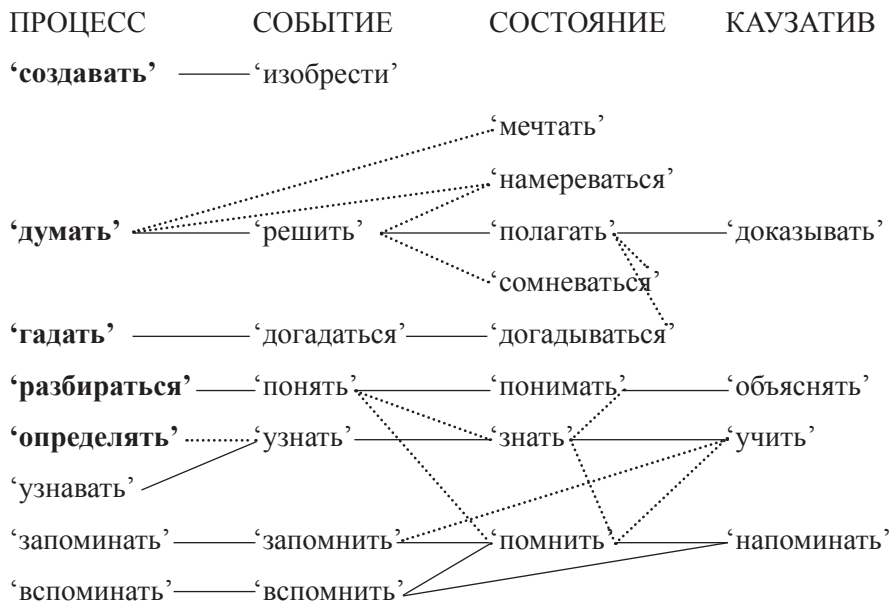
В соответствии с правилами семантического включения, лексема с более общим значением может заменять лексему-гипоним: *определять* заменяет *считать, соотносить* и всех других представителей более низких уровней иерархии, *считать – отнимать, складывать* и другие обозначения конкретных счетных операций.

Но в рамках “многоуровневого” подкласса ‘определять’ существует и другая тенденция: чем ниже уровень иерархии, тем меньше вероятность взаимозамены между лексемами и тем специфичнее комбинаторные характеристики этих лексем (ср., например, *выявлять, определять, устанавливать и прибавлять, отнимать, умножать, делить*).

Глагол *думать* имеет ряд синонимов (*кумекать, мерекать, мозговать, мыслить, рассуждать, соображать*). Отношения между названными лексемами целесообразно представлять именно как синонимию: отличия между *думать* и *мыслить, рассуждать, соображать* в первую очередь синтагматические, а между *думать* и *кумекать, мерекать, мозговать* – стилистические, т.е. разница в значении заключается не в описываемой глаголами ситуации, а в ее представлении. По общему правилу организации синонимического ряда в лексико-семантической системе языка доминанта *думать* может заменять любое из других наименований.

Более разнообразны структурно-семантические связи, представленные на всем корпусе когнитивных глаголов. Наиболее существенные струк-

турные связи семантического окружения обозначений мыслительных процессов в русском языке и взаимоотношения между ними представлены на обобщающей схеме.

Структура ближайшего семантического окружения обозначений мыслительных процессов в русском языке во многом определяется отношениями между самими глаголами мышления. Отношения между большинством названий когнитивных процессов (семемы ‘думать’, ‘гадать’, ‘разбираться’, ‘определять’, ‘творить’, ‘узнавать’, ‘запоминать’, ‘вспоминать’) и соответствующих событий (семемы ‘решить, сделать вывод’, ‘угадать’, ‘понять’, ‘узнать’, ‘запомнить’, ‘вспомнить’, ‘изобрести’), как и между названиями этих событий и вызванных ими состояний (семемы ‘полагать’, ‘сомневаться’, ‘понимать’, ‘знать’, ‘помнить’) описываются как хронологическое следование, или, в терминологии Дж. Миллера, обратной пресуппозиции.

Большая часть названных событий (семемы ‘решить, сделать вывод’, ‘угадать’, ‘понять’, ‘узнать’, ‘запомнить’, ‘вспомнить’) и связанных с ними состояний может быть каузирована – семемы ‘доказывать’, ‘объяснять’, ‘учить’, ‘напоминать’, при этом отношения между каузативом и результативным событием, равно как и описанные выше, – это причинно-следственные отношения обратной пресуппозиции.

Таким образом, структура ближайшего семантического окружения обозначений мыслительных процессов в русском языке во многом определяется отношениями обусловленной хронологической последовательности (цепочки “процесс – событие – состояние” или “каузирующий процесс — событие — состояние”), но возможны и другие типы отношений, зачастую связанные с семантической диффузностью когнитивных обозначений, обуслов-

ленной психологической связью разных когнитивных процессов, событий и состояний в наивной психологии носителей языка.

Приведем примеры разных видов структурно-семантических отношений между обозначениями когнитивных событий, процессов и состояний.

Отношения между глаголами восприятия и познания (*узнавать, познавать, овладевать, осваивать, учить* (что-л.), *учиться, изучать*) обусловлены следующими факторами. Процессы познания отличаются от процессов восприятия способом получения информации: как правило, при познании осуществляется восприятие, опосредованное какими-либо семиотическими системами, чаще языком. Следовательно, глаголы восприятия и познания находятся в отношениях тропонимии, т.е. отличаются способом получения информации.

Несколько слов о взаимоотношениях глаголов с семантикой 'знать', 'помнить', 'понимать'. 'Знать' – это 'хранить какую-либо информацию в долговременной памяти и уметь оперировать ею, т.е. устанавливать связи с другими единицами когнитивной системы'. 'Знать' может трактоваться и более узко, как 'хранить какую-либо информацию в долговременной памяти', что фактически равно 'помнить'. В этом случае обозначения 'знать 1' (в широком смысле), с одной стороны, и обозначения 'понимать' и 'помнить' – с другой, находятся в отношениях меронимии (включения): 'знать 1' подразумевает 'понимать' и 'помнить', но 'знать 1' не есть только 'понимать' или только 'помнить'.

Значения лексем *запоминать – вспоминать* противопоставлены по антонимичным семам 'поместить' – 'извлечь' (из долговременной памяти), при этом соблюдается принцип транзитивности антонимии: аналогичным описанному выше образом противопоставлена семантика лексем *учить (заучивать) – вспоминать*.

Тропонимия объекта действия (его семантического объема) связывает глаголы *думать, мечтать, намереваться*: *думать* можно обо всем (любой предмет, явление или действие); *мечтать* – о том, чего нет в данный момент, что было, будет, может / не может быть, причем если речь идет о действии, то оно отнесено к миру ирреального или будущему времени; *намереваться* можно только по отношению к будущему действию.

Лексемы с обобщающей семантикой 'считать, полагать' связаны отношениями обратной пресуппозиции (хронологического следования, посылки – результата, причины – следствия) с наименованиями семемы 'решить, сделать вывод' как обозначения состояния, которое является результатом названного события.

Слова со значением 'сомневаться' соотносятся с глаголами группы 'решить, сделать вывод' как любое итоговое состояние соотносится с предшествующим событием и антонимичны членам группы 'считать, полагать': сомнение – это состояние, возникающее в том случае, если акт решения не состоялся и мнение (состояние, следующее за моментом решения, вывода) не выработано. При этом глаголам сомнения присущи все черты, характер-

ные для обозначений состояния: они возвратные (*сомневаться, колебаться* и др.), т.е. формально подчеркивается важность ментального состояния самого по себе, его “направленность” на носителя-субъекта, а не на внешний объект.

Лексемы *опровергать, оспаривать* антонимичны глаголам доказательства, хотя по интегральным семам совпадают с ними (см. выше об антонимии как разновидности семантических отношений между со-гипонимами).

Богатство и разнообразие структурно-семантических отношений проявляется не только между отдельными лексемами, но и между разными ЛСВ полисеманта.

Типичный способ организации значений полисеманта-глагола – это обозначение события, завершающего процесс мышления, той же лексемой, что и сам процесс: *прикинуть, рассудить, решить* и др. Это закономерно, поскольку любой ментальный процесс в своем предельном значении подразумевает сформированный вывод, заключение, концепт как результат умственной работы, хотя бы промежуточного характера. При употреблении в значении ‘сделать вывод’ упомянутые глаголы приобретают функциональные черты, характерные для обозначений вывода: они управляют придаточным изъяснительным с союзом *что*, не употребляются абсолютно и под.

Фактически рассмотренная модель есть частный случай общего метонимического принципа организации системы значений глаголов: все процессуальные глаголы, в том числе и глаголы мышления, имеющие перфектную пару, имеют и так называемое тривиальное значение, т.е. могут обозначать не только процесс, но и событие. Таким образом, отношения обратной presupпозиции, хронологического следования распространены и типичны не только между представителями разных групп когнитивных глаголов, но и между отдельными значениями многозначных глаголов..

Другим частым способом организации значений полисемантов является перенос ‘процесс’ – ‘результатирующее состояние’: *оценивать, думать, считать, разбираться* и др. Типичность такого развития значения обусловлена тем, что целью мышления, в представлении носителей русского языка (т.е. в русской наивно-языковой картине мира), является понимание, знание, мнение. Распространенность рассмотренного семантического переноса органично “вписывается” в рамки разработанной Дж. Лакоффом теории метафоризации, где одной из базовых метафор признается “(источник) – путь – цель” (Лакофф, 1995, с. 175): в приведенных примерах реализуются два последних этапа.

В отношениях меронимии находятся ЛСВ полисемантов, которые могут обозначать как единое сложное когнитивное действие или состояние, так и отдельные его составляющие, например, *схватить* ‘воспринять’, ‘понять’, ‘запомнить’; *учить* ‘узнавать’, ‘запоминать’; *знать* ‘помнить’, ‘уметь использовать’; *видеть* ‘видеть’, ‘понимать’ и др.

8. Заключение.

Исследование гипонимии в рамках отношения следования, предложенного Р. Карнапом, не противоречит другим теориям значения, например, компонентному анализу.

Глагольная гипонимия обладает рядом особенностей, вызванных своеобразием семантики глагола. Специфической чертой глагольной гипонимии является временной признак, который отличается в разных видах глагольной гипонимии (меронимии и тропонимии), а также обратной пресуппозиции.

Яркой особенностью глагольной гипонимии, помимо наличия специфических подвидов, является относительная немногочисленность уровней иерархии (до 4-х) и их значительная разветвленность. По мере продвижения от более общих глагольных наименований к более частным сокращаются валентностные возможности глаголов и возрастает специфичность управления.

Гипонимия обнаруживает сходство, в частности функциональное, с синонимией.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков, К.: *О русских глаголах*. Москва, в типографии Л. Степановой, 1855. In: Научно-исследовательский центр по истории и сравнительной эпистемологии языкознания центральной и восточной Европы, 2002–2005. Доступен в Интернете: <<http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/AKSAKOV55/1.html>>.
- Апресян, Ю. Д.: *В какой мере можно сформулировать понятие синонимии?* In: Облик слова. Сб. статей. РАН. Ин-т рус. яз. Москва, 1997, с. 9–21.
- Апресян, Ю. Д.: *Интегральное описание языка и системная лексикография*. In: Избранные труды в 2-х т. II. Москва, Школа “Языки русской культуры”, 1995.
- Апресян, Ю. Д.: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва, “Наука”, 1974.
- Арутюнова, Н. Д.: *Предложение и его смысл. Лог.-семант. проблемы*. Москва, “Наука”, 1976.
- Красухин, Г. К.: *Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики*. In: Логический анализ языка: Язык и время. Посвящается светлой памяти Н.И. Толстого, отв. ред. Н. Д. Арутюнова – Т. Е. Янко. Москва, “Индрик”, 1997, с. 62–77.
- Кронгауз, М. А.: *Семантика*. Москва, “Рос. гос. гуманитар. ун-т”, 2001.
- Кузнецова, Э. В.: *Лексико-семантические группы русских глаголов*. Иркутск, Изд-во Иркутского университета, 1989.
- Лайонз, ДЖ.: *Лингвистическая семантика: Введение*. Пер. с англ. В.В. Морозова и И.Б. Шагуновского; Под общ. ред. И. Б. Шагуновского. Москва, “Языки славянской культуры”, 2003.
- Лакофф, ДЖ.: *Когнитивная семантика*. In: Язык и интеллект. Москва, “Прогресс”, 1995, с. 143–184.
- Мечковская, Н. Б. – Норман, Б. Ю. – Плотников, Б. А. – Супрун, А. Е.: *Общее языкознание*. Под общ. ред. А. Е. Супруна. Минск, “Вышэйшая школа”, 1983.
- Найда, Ю. А.: *Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения*. In: Новое в зарубежной лингвистике 14. Москва, “Прогресс”, 1983, с. 61–74.

- НИКИТЕВИЧ, А. В.: *Русский глагол в составе номинативных рядов*. Гродно, “ГрГУ”, 2004.
- НОВИКОВ, Л.А.: *Семантика русского языка*. Москва, “Высшая школа”, 1982.
- РЯБЦЕВА, Н. К.: *Аксиологические модели времени*. In: Логический анализ языка: Язык и время: Посвящается светлой памяти Н.И. Толстого, отв. ред. Н. Д. Арутюнова – Т. Е. Янко. Москва, “Индрик”, 1997, с. 78–95.
- УФИМЦЕВА, А. А.: *Об особенностях семантики глагольных лексем английского языка*. In: Теория языка. Англистика. Кельтология. Москва, “Наука”, 1976, с. 145–151.
- ФИЛЛМОР, Ч. ДЖ.: *Основные проблемы лексической семантики*. In: Новое в зарубежной лингвистике 12. Москва, “Прогресс”, 1983, с. 74–122.
- CROFT, W. – CRUSE, A.: *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press 2004.
- CRUSE, D.: *Lexical Semantics*. Reprinted. Cambridge: Cambridge University Press 1991.
- MILLER, G. A.: *The Science of Words*. Reprinted by permission of New Directions Publishing Corporation. USA: Scientific American Library 1991.
- MILLER, G. A. – FELLBAUM, C.: *Semantic networks of English*. In: Lexical and Conceptual Semantics. Cambridge: Blackwell Publishers 1992, s. 197–229.
- MILLER, G. A. et al.: *Five Papers on WordNet*. Princeton University: Cognitive Science Laboratory, 1993.

ZVLÁŠTNOSTI SLOVESNÉ HYPONYMIE

Stať je věnována zkoumání strukturně-sémantických vztahů mezi slovesy. Autorky zdůrazňují, že specifikum vztahů v slovesných skupinách je podmíněno svérázností sémantiky slovesa. Pozornost je věnována především hyponymii, jejím druhům a zvláštnostem realizace na materiálu slovesné slovní zásoby. Analyzuje se také troponymie, slovesná meronymie a zpětná presupozice, tj. zvláštní druh chronologického následování. Projednávají se také vzájemné vztahy mezi hyponymií a synonymií, hyponymií a antonymií. Teoretické teze jsou ilustrovány materiálem ruských sloves, která se vztahují ke kognitivním procesům.

Jelena N. Rudenko
Katedra teoretické a slovanské jazykovědy
Filologická fakulta BSU
ul. K. Marxa 31
220030 Minsk
Bělorusko
e-mail: alena@rudenka.net.

Jiřina G. Volvačeva
Katedra teoretické a slovanské jazykovědy
Filologická fakulta BSU
ul. K. Marxa 31
220030 Minsk
Bělorusko
e-mail: volvachova@yahoo.com

